

Патримониальная политико-экономическая форма правления в современной России, как основное препятствие встраивания в глобальный процесс рационализации современности

В конце 2017 года, действующий президент Российской Федерации В. В. Путин публично изъявил свое согласие участвовать в предстоящих выборах на высшую государственную должность страны. Своим решением он прекратил длительные дискуссии по вопросу о том носит ли политико-экономическая форма управления России патримониальный (неопатримониальный) характер или нет. Начавшиеся со смертью Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И Брежнева трансформации патримониальной формы управления государством находятся в настоящее время на стадии угасания. Уже сейчас можно констатировать то, что распад СССР, демократизация политических режимов в странах постсоветского пространства, отсутствие «железного занавеса» и т.д. не привели к изменению политико-экономической формы правления.

К сожалению, в отечественной научной литературе понятие «патримониализм» не получил широкого распространения, что может быть связано с несколько размытым его статусом в системе политологических понятий. Эта размытость статуса определяется тем, что данное понятие становится эффективным инструментом исключительно в контексте методологии Макса Вебера, интерес к исследованиям которого в России традиционно невысок. Однако, зарубежная наука довольно активно использует понятие «патримониализм» как в сфере политологии, так и в социологической и экономической науках.

Настоящая статья представляет собой попытку осмысления противоречий между нерациональной формой политико-экономического правления современной России и глобальными процессами рационализации,

проникающими практически во все сферы жизнедеятельности российского общества.

Прежде чем перейти к описанию данных противоречий, необходимо чуть подробнее остановиться на зарождении и развитии глобальных процессов рационализации общества. Социологическая наука возникла в период бурного изменения привычного мира и задумывалась как средство модернизации общества, как средство перехода от традиционного общества к современному. И если отцы-основатели науки О. Конт, Г. Спенсер, Дж. С. Милль пытались спроектировать саму науку и ее методологию, в качестве средства изучения общества и средства управления им, то их последователи и продолжатели научной традиции Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель и М. Вебер в рамках социальной науки уже стремились прояснить природу и перспективы современности, а заодно и способствовать формированию четкой морально-этической позиции членов общества по отношению к происходящему. Ф. Теннис разделял «общину» и «общество», Э. Дюркгейм говорил об обществах «механической» и «органической» солидарности, Г. Зиммель выделял общества «до-денежной» и «денежной» экономик, М. Вебер противопоставлял «традиционные» общества «рациональным». Таким образом, каждый из них фиксировал происходящие в обществе трансформации и пытался дать им собственное осмысление в плоскости «было — будет».

Не умаляя вклад в развитие социологической науки других классиков, остановлюсь несколько подробнее на исследованиях М. Вебера, так как именно в его методологии раскрывается понятие «патримониальность».

Смысловым стержнем практически всех его работ является идея о трансформации мира посредством его рационализации. И это является всемирно-историческим процессом, охватывающим все общества во всех странах мира. «Рационализируется способ ведения хозяйства, рационализируется управление — как в области экономики, так и в области политики, науки, культуры — во всех сферах социальной жизни;

рационализуется образ мышления людей, так же как и способ их чувствования и образ жизни в целом» [2, с.75]. Описывая рационализацию управления, как в экономике, так и политике, М. Вебер использует в качестве базовой частички аналитического понятие «господство», под которым понимается возможность встретить повиновение определенному приказу. Господство основывается либо на системе абстрактных правил, либо на воле правителя (которая в свою очередь может быть основана либо на традициях общества, либо на харизме самого правителя). Первый способ осуществления господства носит рациональный характер, а второй — нерациональный. Из этих двух типов господства М. Вебер фиксирует два типа правления: рациональный и нерациональный (с двумя подтипами: традиционный и харизматический). В ходе всемирно-исторического процесса все большее распространение должен получать первый тип правления, рациональный, за счет трансформации второго. Доминирование рационального господства обусловлено его более высокой экономической эффективностью.

По утверждению самого М. Вебера, рационализация мира зародилась в результате случайного стечения ряда факторов и утвердилась в Западной Европе спустя три столетия, после чего начала свою экспансию в другие части мира. Поэтому процесс «отмирания» нерациональных типов правления займет довольно значительный исторический период и будет длиться не одно столетие.

Опираясь на методологию М. Вебера, Дж. Ритцер [5] утверждает, что современный мир все более и более рационализуется. Рационализация, зародившись в сфере промышленного производства (где ее олицетворением стал конвейер Г. Форда), с середины XX века стала активно проникать в сферу услуг, где эталонной бизнес моделью (олицетворением рациональности в сфере услуг) становится сеть ресторанов быстрого питания «Макдональдс». Эта бизнес модель основывается на четырех базовых элементах рациональности: эффективность, просчитываемость, предсказуемость и контроль. В результате рационализуется не только производство и сфера услуг, но и само

потребление, что в результате приводит к серьезным социо-культурным трансформациям в обществе, оно становится более рациональным.

Последние 15 лет развития мира ознаменовались активным проникновением IT-технологий в сферу услуг и радикальной их трансформацией. Уже сейчас можно говорить об абсолютном изменении структуры рынков пассажирских автоперевозок, гостиничного бизнеса, клининговых услуг, бухгалтерского и юридического консалтинга. Проникая в эти сферы, IT-технологии позволяют повысить степень рациональности поведения хозяйствующих субъектов и тем самым сократить уровень издержек. В результате появляются новые форматы бизнеса, которые становятся более удобными для потребителей и предпринимателей, а так же экономически эффективными, что в конечном итоге обуславливает их успешность в сравнении с традиционными практиками предпринимательства. Таким образом, IT-технологии становятся сегодня такой же основой рационализации поведения, как и конвейер в сфере производства более 100 лет назад. Таким образом, зафиксированная М. Вебером тенденция рационализации мира, все более усиливается, проникая во все сферы общества.

Однако, наряду с различными рациональными формами организации общества, существуют и нерациональные, которые в перспективе должны быть вытеснены. Как уже отмечалось выше, М. Вебер выделяет три типа господства: рациональное, традиционное и харизматическое. Традиционное и харизматическое господства относятся М. Вебером к нерациональным, т.к. первое из них основано на произволе правителя, опирающегося на традиции, а второе — на абсолютном произволе воли правителя, подкрепляемой его личной харизмой. Вот именно эти два типа господства в течение времени должны быть вытеснены рациональной формой. Традиционное господство, в концепции М. Вебера, подразделяется на геронтократию, патриархализм и патримониализм [1, с. 269]. Первые два характерны для начальных этапов зарождения государства, т.к. в них отсутствует аппарат управления - бюрократия. И лишь

патримониализм является теоретической моделью, которая может быть использована для анализа современных государств.

Патримониализм — это система отношений господства и подчинения, при которой правитель отождествляет собственные интересы с интересами государства, а аппарат управления и общества воспроизводят эту форму господства.

В 1973 году Ш. Эйзенштадт предложил использовать новый термин «неопатримониализм», который характеризует новые формы государственности в странах, образовавшихся после падения колониализма, и в которых сочетается демократические механизмы и традиционные формы осуществления правления [7]. Необходимо отметить, что приставка «нео» в любом понятии предполагает появление новых свойств и признаков у изучаемого явления. В своих исследованиях М. Вебер давал описание идеальных типов господства, к числу которых относится и традиционный тип господства — патримониальное господство. «Идеальный тип — образ, представление, репрезентация какого-либо явления путем выделения, подчеркивания, преувеличения с аналитической целью определенных характерных его элементов» [1, с.365]. Предложенное Ш. Эйзенштадтом понятие «неопатримониализм» не дает нового содержания идеальному типу традиционного господства, а выявленные им новые черты и свойства изучаемого явления не меняют видовых признаков патримониализма. Именно поэтому в дальнейшем речь будет идти о патримониализме, как форме традиционного господства, которое, по сути, является идеальным типом, т.е. смысловой конструкцией, позволяющей зафиксировать наиболее характерные элементы изучаемого явления.

Принципиальным отличием патримониализма от прочих форм господства является то, что правитель воспринимает свою власть исключительно, как личную собственность. И здесь не важно, каким образом власть была им получена: в результате государственного переворота, войны, делегированием вышестоящим лицом или на основании абсолютно демократических выборов.

Правитель владеет, пользуется и распоряжается властью на свое усмотрение, а любое ограничение его власти категорически отвергается. И даже больше — правитель отождествляет себя с властью¹. Власть персонализируется в правителе. «...Глава государства ... становится воплощением политической системы, ее символическим центром и основным нервом, стягивающим формальные и неформальные нити правления в единое целое; все другие политические институты, в соответствии с таким воззрением, изначально второстепенны и являются лишь средством, инструментом реализации его политической стратегии. Персонализация власти органично предполагает самоидентификацию масс не с политическими программами (сегодня одними, завтра другими), а с личностью лидера, лояльность которому означает и лояльность политическому режиму, им олицетворяемому» [6, с. 15].

Патримониализм не является политической системой, так же как не является политическим режимом. Патримониализм, как верно отмечает К. В. Мельников [4, с.56], — это форма господства, которая реализуется в рамках любой политической системы и любого политического режима. Эту же мысль подтверждает и А. А. Фисун: «...патримониальный способ осуществления власти может иметь место внутри самых разных экономических и политических систем» [6, с.11]. Конечно же эти системы накладывают свои отпечатки на формы реализации господства, но видовая сущность данного идеального типа господства от этого не меняется.

Патримониальный правитель вне зависимости от вида политической системы или политического режима не способен расстаться с властью, т.к. это его собственность, без которой его существование теряет свой смысл. Он может дать свою должность в пользование своим доверенным лицам, но реальная власть всегда будет сконцентрирована в его руках. Лишь только смерть или тяжелая болезнь могут разлучить патримониального правителя с властью.

---

¹ Здесь уместно привести фразу, приписываемую французскому королю Людовику XIV (1643-1715): «Государство — это я». Именно такое отношение раскрывает сущность восприятия патримониальным правителем своей власти и своего государства.

Поэтому требования Конституции о смене правителя идут вразрез с самой природой патримониальной власти. Это противоречие легко решается путем переписывания основного закона в угоду правителю.

В современных обществах власть ограничивается законом, но деятельность патримониального правителя не может ограничиваться чем-либо, кроме его собственной воли, поэтому законы не могут иметь власть над его деятельностью. В результате законы создаются не из объективной необходимости, а исключительно по воле первого лица или представителей его аппарата управления в желании предвосхитить его волю. Именно поэтому основным источником нормотворчества в патримониальном государстве становится правитель и его аппарат, а характер правовой системы носит хаотический характер. В результате нормативные правовые акты противоречат и дублируют друг друга или, вообще, могут не иметь сферы регулирования. Такой характер нормативно-правовой системы удобен правителю и его аппарату, т.к. принятие решений определяется не абстрактной системой правил, а волей конкретного лица. Тем самым, власть правителя и его аппарата подкрепляется противоречиями в законодательстве.

Законодательные органы в патримониальном государстве не являются противовесом исполнительной власти. Все ветви власти находятся под правителем и единственная борьба, которая допускается между ними — это борьба за персональную благосклонность правителя к конкретному представителю той или иной ветви власти. Как отмечает А. Фисун, «во многих разновидностях неопатримониальных систем парламентские органы эволюционировали в своеобразные «регистрационные палаты», не играющие самостоятельной роли в процессе принятия решений. Парламент, сформированный преимущественно из членов правящих (или доминантных полугосударственных) партий, в таких системах не обладает в большинстве случаев практически никакими правами и не осуществляет никакого контроля над деятельностью правительства. ...Парламентарии ... принимают

определенные правила игры, поскольку получение и сохранение депутатского места, а значит и всех связанных с ним материальных выгод и преимуществ зависит в гораздо большей степени от расположения патрона ..., чем от избирателей» [6, с. 22].

Если политический режим предполагает существование избирательной системы, то она так же находится под контролем правителя и его аппарата. Смысл функционирования избирательной системы заключается в том, чтобы обеспечить бесперебойную ротацию элит. Смысл патримониализма — обеспечить господствующее политическое существование правителя и его аппарата. Патримониальная избирательная система обеспечивает бесперебойную ротацию элит в зависимости от воли правителя. Именно правитель определяет, какие элиты с какой периодичностью и как будут сменяться. Необходимо отметить, что правила ротации не могут быть стабильными долгий период времени, так как их стабильность вступает в противоречие с волей правителя. Именно поэтому механизм обновления элит постоянно модифицируется под решения первого лица.

Аппарат патримониального правителя ориентирован на реализацию его воли, поэтому критерием эффективности чиновника становится не его профессионализм, уровень квалификации и эффективность его деятельности, а личная преданность и полезность правителю. Между членами аппарата нет ни кооперации, ни разделения труда, есть только стремление получить большую благосклонность правителя любым путем, даже за счет дискредитации своих коллег. Союзы и коалиции между людьми ближайшего окружения правителя возникают не столько для решения текущих проблем или достижения поставленных целей, сколько для борьбы с другими членами аппарата.

Подчиненный, покидающий своего правителя по собственной воле и вопреки его желанию, автоматически становится изгоем, его лишают не только благ и преференций, его коллеги и подчиненные дистанцируются от него, стремясь свести к минимуму любое общение.

Каждый из приближенных к правителю имеет свою сферу правления и свой аппарат, которые воспринимаются ими, в качестве личной собственности. Таким образом, патримониальное правление воспроизводится на каждом уровне государственного устройства. Каждый чиновник, получив должность, воспринимает ее, как дарованную патроном собственность, в которой он становится полновластным ее владельцем. Основные средства производства и персонал, полученные в управления, воспринимаются как приобретенные (апроприированные) в личное пользование. Поэтому чиновник с легкостью использует в личных интересах вверенный ему аппарат, а так же инвестирует собственные средства в его развитие. Но аппарат управления нужен не для эффективной работы, а для реализации собственных целей, среди которых важное место занимает цель получить большую личную благосклонность патрона или верховного правителя.

Правитель, передавая своему приближенному какую-то сферу правления под контроль, ожидает от него не только достижения определенных результатов, но и постоянную демонстрацию личной преданности, которая не может иметь каких-то формальных границ и показателей. И здесь многое зависит от изобретательности самого подчиненного. В силу того, что патримониальное правление не обременяет себя построением и поддержанием строгой системы последовательных правил, которые очерчивают границы дозволенного не только правителю, но и членам его аппарата, полученная сфера правления трансформируется в вотчину, с которой кормится ее владелец. Это устраивает правителя, так как при необходимости любого подчиненного можно снять с занимаемой должности, затратив минимум усилий на поиск формальных оснований для этого. Таким образом, вотчинное делегирование власти позволяет усиливать механизмы контроля за аппаратом со стороны правителя.

Патримониальный правитель стремится контролировать все социально-экономические, политические, культурные и прочие процессы, протекающие в обществе. Поэтому аппарат управления стремится проникнуть в них через

различные организационные структуры, стандартизацию, лицензирование т.д. Это приводит к обилию дублирующих надзорных и контрольных органов. А в силу хаотичности нормативной правовой системы требования этих органов противоречат друг другу, это приводит к тому, что основным регулятором их деятельности становятся не абстрактные формальные правила, а социальные практики, устраивающие конкретного проверяющего.

В хозяйственной деятельности механизмы самоорганизации и саморегулирования экономических субъектов являются такими же чуждыми для патримониального правления, как и любая бесконтрольность в политической сфере. Поэтому патримониальный правитель заинтересован в создании монополий на рынках в целом или на его сегментах, так как это позволяет контролировать монополистов и реализовывать с их помощью свою волю на неподконтрольных государственному аппарату сферах. Данный принцип работы может получить статус государственной политики, как, например, в современной России под эгидой «усиления вертикали власти» произошло не только выстраивание системы подчиненности регионов центру, но и выстраивание системы управления общественным сектором и отраслей экономики. ««Вертикаль власти» как механизм управления легитимирован тем обстоятельством, что она воспринимается в общественном мнении как единственно возможное средство контроля за деятельностью нижестоящих органов управления» [3, с.14].

В патримониальном правлении проблема преемственности власти не стоит, т.к. правитель не озабочен проблемой передачи своей собственности. Как уже отмечалось ранее, власть является личной собственностью правителя, поэтому добровольно расстаться с ней правитель не может. Именно поэтому подготовкой приемника правитель не занимается, а механизма ротации правителей, основанной на системе абстрактных правил, тоже нет. Однако вопрос о передаче власти возникает тогда, когда правитель не может реализовывать свое правление в силу смерти или по состоянию здоровья. Уход

правителя провоцирует борьбу элит за престол, которая приводит к обрушению системы управления государством, усилению центробежных сил в региональных элитах и череде локальных конфликтов за суверенитет окраин государства.

Патримониализм, как политико-экономическая форма управления государством экономически неэффективна и приводит к хроническому отставанию в сравнении с другими рациональными формами правления.

Подводя итог сказанному выше, можно кратко резюмировать причины этого:

- 1) злоупотребление властью на всех уровнях государственного управления;
- 2) примитивизация политики в сторону персонализации ее в правителе;
- 3) абсолютное пренебрежение законом;
- 4) отсутствие механизма, обеспечивающего ротацию элит, приводит к их вырождению и деградации, как следствие — низкий уровень квалификации у лиц, принимающих решения;
- 5) нерациональное использование имеющихся ресурсов;
- 6) разрастание аппарата управления, что приводит к постоянному росту расходов на его содержание;
- 7) в силу отсутствия стабильной нормативной правовой системы нет механизмов самоорганизации и самоуправления в общественном секторе и хозяйственной сфере, что приводит к стабильному росту трансакционных издержек;
- 8) монополизация рынков и отраслей экономики, что приводит к постоянному росту цен, снижению качества продукции, оппортунистическому поведению хозяйствующих субъектов;
- 9) отсутствие механизма политической преемственности приводит к циклическим политическим кризисам, ставящим под угрозу государственную целостность страны.

Выборы 2018 г. продемонстрировали стабильность сложившейся патримониальной политико-экономической формы правления в современной

России. Ее нерациональный характер накладывает серьезный отпечаток на функционирование отечественной экономики: протекающие в ней хозяйственные процессы нестабильны по причине постоянных трансформаций нормативно-правовой среды, отсутствия механизмов самоорганизации и самоуправления, постоянных попыток прямого вмешательства органов государственной власти в их функционирование и т.д. Современные ИТ-технологии предполагают рационализацию хозяйственных процессов, а это невозможно в рамках патримониальной политико-экономической формы правления. В результате их проникновение в различные сферы жизнедеятельности российского общества происходит значительно медленнее, чем в странах Запада, что в конечном итоге приводит к системному экономическому отставанию. Это противоречие между нерациональной природой патримониализма и глобальной рационализацией современности будет разрешено в пользу последней, что приведет к необходимости трансформации политико-экономической формы правления в России. Последствия такой трансформации создают угрозу сохранения государственной целостности России.

Литература

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. Ред. И предисл. Л. Г. Ионина; Нац. Исслед.ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. Дом. Высшей школы экономики, 2017. Т.II. Общности. - 429, [3] с.

2. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. – М.: Политиздат, 1991. – 367 с.

3. Гельман В. Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма / Владимир Гельман: Препринт М-41/15 — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. - 44 с.

4. Мельников К. В. Неопатримониализм в контексте типологии политических режимов // Науч. Ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 3. С.51-66.

5. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А. В. Лазарева; вступ. статья Т. А. Дмитриева. - М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. - 592 с.

6. Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология / Отечественные записки. - 2007. - Том. 39. - №6. - С.8-28.

7. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. - М.: Аспект Пресс, 1999. - 435 с.